

Следует также отметить, что в Ираке выходит ежемесячный сельскохозяйственный журнал, издаваемый Министерством сельского хозяйства. В нем этнограф может найти статьи о производстве у курдов Ирака молочных продуктов, например сыра (панир), и некоторые другие⁸⁶.

* * *

Подытоживая историографический обзор литературы на арабском и курдском языках по этнографии курдов Ирака, следует отметить прежде всего немногочисленность специальной литературы. Имеющиеся же работы содержат в основном лишь отдельные, а порой и самые общие сведения, часто не имеющие этнографического характера. Те же этнографические материалы, которые приведены в этих работах, зачастую уже достаточно хорошо известны (например, сведения о курдах-езидах). В целом курды Ирака остаются пока еще слабо изученными в этнографическом отношении.

М. Х. А. Ариф

⁸⁶ «Муджала аль-зираа аль-иракне», Багдад, 1951 (октябрь, ноябрь, декабрь) (на араб. яз.).

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

А. И. Першиц, А. Л. Монгайт, В. П. Алексеев. История первобытного общества. Издание 2-е, переработанное и дополненное. М., 1974, 223 стр.

Первое издание этой книги, вышедшее в 1968 г., получило тогда же весьма положительную оценку критики¹. И недаром. Едва ли не впервые в нашей научно-учебной литературе появилась книга, написанная видными специалистами, где трактовка сложнейших проблем доклассового периода человеческой истории отвечает современному уровню археологической, этнографической, антропологической наук, а способ изложения этих проблем вполне доступен пониманию студентов-первокурсников. Прежние учебники по этому предмету (П. П. Ефименко, В. И. Равдоникас, В. К. Никольский, М. О. Косвен, Ю. В. Кнышенко и др.) при всех их достоинствах уже не отвечают современным требованиям.

Второе издание книги, переработанное и дополненное, вышло в свет через 6 лет. Это были годы больших достижений советских исследователей и прогрессивных ученых во многих зарубежных странах, годы новых открытий, годы широких творческих дискуссий — особенно в нашей стране — по вопросам антропогенеза, социогенеза, структуры первобытного общества, динамики его развития и перехода от доклассового к классовому обществу. В эти дискуссии были вовлечены антропологи и приматологи, археологи, этнографы и историки разных специальностей. Споры, разумеется, еще не закончились, но какие-то итоги их, несомненно, налицо. И вот чрезвычайно интересно посмотреть, какие изменения авторы сочли нужным ввести в текст учебника при его переработке, что добавлено, что изложено по-другому? Отражают ли эти изменения рост советской науки?

Структура книги не изменилась — то же деление на главы и параграфы. Объем увеличился на три печатных листа. Какие же части книги подверглись переработке и в каком направлении? Рассмотрим по главам.

Во «Введении» несколько расширено изложение проблемы периодизации первобытной истории: приведены мысли Ф. Энгельса и В. И. Ленина для обоснования пересмотра моргановской схемы «дикость — варварство» (стр. 7): отмечено разногласие между советскими учеными — рассматривать ли периоды «присваивающего» и «производящего» хозяйства как два самостоятельных этапа истории первобытного общества? (стр. 8); смотреть ли на переходные эпохи (начальный и заключительный этапы первобытной истории) как на внеформационные периоды? (стр. 9). Словом, здесь несколько больше подчеркнута «проблемность» предмета первобытной истории, и это нельзя не одобрить.

Первая глава — об историографии и источниках первобытной истории — заметно расширена, в частности историографическая ее часть, и за это можно тоже только благодарить авторов. Гораздо рельефнее, чем в первом издании, нарисована картина постепенного становления науки о первобытном обществе, накопления этнографических знаний, антропологических и археологических данных и, что особенно важно, борьбы между прогрессивными и реакционными течениями в понимании самого предмета первобытной истории. Яснее и полнее изложена марксистская концепция первобытности (стр. 20, 21). Значительно больше сведений получает читатель о различных схемах развития первобытного хозяйства, семьи, общественного быта, культуры, создававшихся в буржуазной науке в конце XIX и в XX в.: изложены, конечно кратко,

¹ См. рецензии: Ю. П. Аверкиевой («Сов. этнография», 1968, № 6), П. И. Борисковского («Сов. археология», 1969, № 3), А. В. Арциховского («Вестник высшей школы», 1969, № 5).

взгляды К. Старке, Э. Вестермарка, Э. Гроссе на развитие семьи и брака, исследования Эд. Хана о древних формах хозяйства, «социологическая» методология Э. Дюркгейма и близкая к ней теория «дологического мышления». Л. Леви-Брюля. Полнее, чем раньше, охарактеризованы взгляды английских функционалистов, американской школы Ф. Боаса, больше сказано о заслугах русских ученых в данной области знания (стр. 22—28).

В этом по необходимости сжатом историографическом очерке с уважением говорится о положительном вкладе тех или иных буржуазных исследователей в науку о первобытной истории, но без всякого затушевывания их ошибок или реакционных черт той или иной концепции.

Кое с чем здесь можно, конечно, и поспорить. Например, хотя авторы справедливо говорят о влиянии марксизма на взгляды многих буржуазных ученых, но конкретные примеры такого влияния выбраны неудачно: едва ли можно серьезно говорить о «заметном влиянии» марксизма («нового учения о первобытном обществе») на А. Бастиана и на Э. Тэйлора (стр. 22).

Статьи, надо отметить мелкую, но весьма досадную типографскую погрешность, искажающую смысл излагаемой мысли: речь идет о взглядах главы этнопсихологической школы А. Кардинера, который утверждал неизменность «структуры основной личности западного человека»: она-де видна из «постоянства отношения к богу» (?!) на протяжении 5 тысяч лет (стр. 27). На самом деле А. Кардинер говорил о постоянстве отношения западного человека к богу!

В конце § 1 в характеристике современного состояния советских исследований первобытного общества сделано небольшое, но принципиально важное дополнение: здесь сказано о проблемах, на которые лишь недавно обращено серьезное внимание: первобытная экономика, вопрос об «историческом и функциональном соотношении рода, общины и семьи» (стр. 30).

Эти добавления к первой главе, бесспорно, улучшили ее. Глава в большей степени, чем раньше, заставляет читателя думать о проблемах, вместо того чтобы заучивать формулы; учит с уважением относиться к трудам нескольких поколений ученых, строивших, хотя бы через ошибки, нашу науку.

Вторая глава посвящена «становлению первобытного общества». В ней почти нет существенных изменений в сравнении с первым изданием. Надо не забывать, впрочем, что сама задача — изложить на уровне учебника сложнейшие проблемы антропо- и социогенеза, опирающиеся на скудные данные первобытной археологии, палеоантропологии и приматологии, — неимоверно трудна. Авторы правильно поступают, когда стремятся и здесь выдержать тот же проблемный и историографический стиль изложения и избегают догматических и категорических утверждений. Они правы, однако, и в том, что среди разнообразных «теорий антропогенеза» избирают одну — «трудовую» теорию Ф. Энгельса, единственную, «которая подчеркивает решающую роль общественного, социального в становлении человека, показывает, что без общества не было бы человека, объясняет происхождение мышления и речи» (стр. 39). Они вполне правильно называют теорию Энгельса «всеобъемлющей».

Жаль, однако, что в изложении этой теории авторы допускают неясные или даже явно неудачные формулировки. Что означает, например, такой тезис: «начиная с эпохи позднего палеолита прекратилась физическая реакция человека на изменения в производстве, сменившись более сложной зависимостью, опосредствованной в процессе производства» (стр. 40) или: «с этой эпохи прогресс в области производства не зависит от каких-то морфологических преобразований, а определяется только развитием человеческого сознания?» (там же) — кстати, этого не было в первом издании.

Но главная трудность, с которой столкнулись авторы, излагая проблему становления первобытного общества, связана с вопросом о пресловутом «первобытном человеческом стаде». Авторы и здесь стараются удержаться в рамках «проблемного» изложения и не скрывают от читателя существующих среди советских ученых разногласий. В данном случае они, однако, решительно становятся на сторону тех, кто признает законность самого понятия «первобытное человеческое стадо», а таких большинство, и отвергают сомнения «некоторых ученых», которые не считают возможным соединять в одно целое два понятия — «человеческий» и «стадо» (стр. 8, 9, 59 и др.). Думается, все-таки, что этот сложный вопрос не решается одним упоминанием о «диалектическом своеобразии» и «переходном состоянии» этой гипотетической организации «древнейших и древних людей». Ведь не уйти от вопроса: если это были люди, то почему же коллективы их не были «обществами»? И если это было «стадо», то чем же эти «стада» людей отличались от «стад» обезьян, буйволов, лошадей и других стадных животных? Конечно, термины — вещь условная, однако в данном случае необходимо продолжить работу над уточнением терминологии. Во всяком случае, авторы хорошо сделали, что сняли в этом издании спорный термин хотя бы из подзаголовка главы, где он фигурировал в первом издании.

С этим вопросом тесно связан и другой, о котором тоже немало спорят: о соотношении между «животным эгоизмом» и «первобытным коллективизмом». Этот вопрос авторы решают, думается, в целом правильно, хотя и тут можно бы пожелать больше четкости. Общая формула, вынесенная в заголовок особого раздела, гласит: «изживание животного эгоизма и становление первобытного коллективизма» (стр. 62; в первом издании вместо «животного эгоизма» стоял «зоологический индивидуализм»,

но тут принципиальной разницы нет). Формула эта раскрывается так: «Хотя предки человека были стадными животными, их поведение определялось не только стадными, но, так же как и поведение всех животных, чисто эгоистическими рефлексами» (стр. 62). Можно спорить, однако, против пригодности самого понятия «эгоизм», «эгоистический» (да еще «чисто эгоистический»), применительно к животным (причем «индивидуализм» здесь ничуть не лучше!) Можно тем более спорить по поводу противопоставления (на биологическом уровне) понятий «эгоизм» и «коллективизм» и по поводу тезиса об «острой борьбе» между тем и другим (там же). У стадных животных, к числу которых принадлежали и предки человека, поведение каждой особи подчинено сложным инстинктам, где «эгоистические» и «коллективистические» тенденции отнюдь не противостоят друг другу в общей форме (т. е. принципиально), ибо интересы особи и интересы стада, как правило, совпадают; «борьба» между этими тенденциями может иметь место только в отдельных конкретных случаях. Едва ли можно поэтому согласиться с тезисом об «изживании» эгоизма, скорее можно говорить о нарастании последнего в ходе уже чисто человеческой истории, особенно на поздних ее этапах. В связи с этим трудно принять и само выражение «становление первобытного коллективизма»: не вернее ли считать этот «первобытный коллективизм» в полном смысле слова первобытным, т. е. изначальным, исконным, восходящим к дочеловеческой эпохе. Ведь недаром Энгельс в одном из своих писем к Каутскому писал: «Где существует общность — будь то общность земли, или жен, или чего бы то ни было, — там она непременно является первобытной, перенесенной из животного мира. Все дальнейшее развитие заключается в постепенном отмирании этой первобытной общности...»².

Нечеткость некоторых выражений не мешает авторам занимать в целом, видимо, правильную позицию в данном вопросе. Они пишут: «Переход даже к простейшим трудовым операциям мог произойти только в коллективе, в условиях стадных форм поведения... Уже на самых ранних эпохах антропогенеза и истории первобытного общества имело место подавление животного эгоизма в добывании и распределении пищи, в половой жизни и т. д.». А «естественный отбор» способствовал «сохранению именно тех коллективов, в которых сильно были выражены социальная связь и взаимопомощь...» (стр. 62). По-видимому, так и было.

Третья глава названа «Расцвет первобытного общества» (заглавие, кстати, не очень удачное, потому что самые понятия «расцвет» и «первобытность» исключают друг друга). Она самая большая по объему. Центральной проблемой здесь является вопрос о сущности родового строя, о материнском роде (материнско-родовой общине), а с этим тесно связаны и вопросы о происхождении экзогамии, о ранних формах семьи и брака. Вопросы эти — очень трудные — трактуются авторами на достаточно высоком научном уровне. Им удалось здесь показать, что и ранее известные, и недавно полученные данные науки лишь подтверждают правильность марксистского понимания сущности первобытнообщинного строя и его динамики. Вместе с тем во втором издании расширена трактовка неясных и дискуссионных проблем, изложены (конечно, кратко) различные взгляды зарубежных и советских ученых по этим проблемам. Добавления к прежнему тексту (стр. 74—76, 79, 100—106 и др.) надо признать в целом весьма удачными. Вставлен небольшой новый раздел — «Вопрос о соотношении рода, семьи и общины» (стр. 106—108), посвященный этой сугубо сложной проблеме, в котором авторы, изложив существующие точки зрения, предлагают свое, достаточно обоснованное решение (стр. 108).

Четвертая, заключительная глава посвящена «разложению первобытного общества». Этот сложнейший комплекс проблем излагается авторами опять-таки на уровне современных научных знаний и в духе последовательно проводимого марксистского понимания исторического процесса. По сравнению с первым изданием и эта глава несколько расширена. Переработан и расширен раздел о процессе классового разложения (стр. 200—204); авторы и здесь приняли во внимание дискуссии последних лет по этой проблеме, изложили кратко различные взгляды советских ученых о первоначальных формах эксплуатации человека человеком (рабство? кабала? данничество? зачатки феодализма?) и о возможностях развития их в самостоятельный способ производства.

Переработан и существенно улучшен небольшой, но важный раздел о «разделении умственного и физического труда» (стр. 209, 210), который в первом издании был слишком схематичным.

Совершенно по-новому написан пятый параграф («Этнические и языковые процессы эпохи разложения первобытного общества», стр. 211—215). Авторы постарались здесь в максимальной мере учесть материалы оживленной дискуссии о типах этнических общностей, протекавшей в последнее время в среде советских ученых — историков, этнографов, лингвистов — и еще не законченной; последнее обстоятельство отмечают и сами авторы, говоря, например, о неясности термина «народность» (стр. 213).

Недостаток места не позволяет здесь рассмотреть другие дискуссионные вопросы, затронутые в разбираемой книге. В большинстве случаев трактовка их может считаться, как уже говорилось, удачной.

Упомянем, однако, о некоторых общих вопросах, изложение которых в книге может не вполне удовлетворить читателя.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 35, стр. 376.

Самый важный, но и самый трудный из них — это, конечно, вопрос о движущих силах развития первобытного общества (я оставляю здесь в стороне движущие силы самого процесса антропогенеза в его биологическом аспекте). Ясного и удовлетворительного решения его в научной литературе вообще нет. Нет его и в рецензируемой книге, хотя местами, если не решение вопроса, то хотя бы постановка его напрашивается по самому ходу изложения материала.

Так, говоря о «появлении человека современного вида», авторы «неразрывно связывают» этот процесс «с мощным скачком в развитии производительных сил при переходе от раннего к позднему палеолиту»; «скачок» этот они считают одновременно и «следствием процесса завершения биологической эволюции» и его «важнейшим условием» (стр. 71). Но чем же, собственно, был вызван этот «скачок»? Почему наши предки, сотни тысячелетий «скальывавшие грубые пластины» с кремневых нуклеусов, перешли вдруг к изготовлению «длинных, тонких и... легких пластин» и к ретуированию их, почему стали они изготовлять более «специализированные орудия», в том числе с деревянными или костяными рукоятками, или целиком из кости и рога (стр. 71, 72, 74)? Ответа нет, да и вопрос, в сущности, не поставлен.

Далее, говоря о постепенных усовершенствованиях техники на протяжении верхнепалеолитической эпохи (совершенствование обработки камня, изобретение лука и эволюция приемов охоты, появление рыболовства, переход к неолиту, возникновение земледелия и скотоводства и пр.), авторы очень добросовестно и, очевидно, правильно характеризуют все эти ступени в развитии материального производства, но читатель и здесь не находит постановки прямого вопроса — а почему все это так происходило, чем был вызван этот «рост производительных сил» (стр. 79, 146 и др.)?

Приступая в начале четвертой главы к анализу процесса «разложения первобытного общества», авторы и здесь говорят о материальной основе этого процесса — о «дальнейшем значительном росте производительных сил» (стр. 157), но опять-таки вопрос — каковы же были стимулы этого роста — не поставлен. По крайней мере он не поставлен в общей форме; не говорится об этом и по более частным поводам: например, ничего не сказано о стимулах перехода к обработке металлов — бронзы, железа, хотя этому важнейшему явлению уделяется много внимания (стр. 158—162). На стр. 169 отмечается, что общественное разделение труда было «обусловлено мощным скачком в развитии производительных сил», а чем, собственно, был обусловлен сам этот «мощный скачок» — этот вопрос тоже не задается.

Другая, более частная, но тоже весьма важная проблема истории первобытной эпохи, остающаяся неясной в разбираемой книге, — проблема «матриархата».

Этим термином авторы книги пользуются несколько неуверенно, стараясь даже по возможности его избегать. Говоря о возникновении общинно-родового строя и о ранних его формах, т. е. о той эпохе, к которой обычно и относят понятие «матриархата», они употребляют выражения «материнский род», «материнская, женская линия», «материнский счет родства», «материнско-родовой строй», но не «матриархат» (стр. 74, 75). Характеризуя общественные отношения этой раннеродовой эпохи, авторы говорят о «выдающейся роли женского труда в хозяйственной жизни общины», о «высоком общественном положении женщины», — приводя этнографические примеры этого, но опять не пользуясь термином «матриархат» (стр. 102). Термин этот появляется в тексте впервые там, где речь идет о «развитой родовой общине земледельцев-скотоводов» (иллюстрируемой примерами ирокезов и других индейских племен, островитян Меланезии). Здесь отмечается «преобладающее» положение женщины, «матрилокальное» (или «уксорилокальное») брачное поселение и пр. — все то, что по словам авторов, «часто называют матриархатом»; тут же сделана, однако, и оговорка об условности этого термина (стр. 148). Кстати, в первом издании термина «матриархат» и в этом месте не было.

В главе четвертой, посвященной разложению первобытного общества, авторы более свободно пользуются термином «матриархат». Но и здесь заметна их колеблющаяся позиция: в ряде мест, где в тексте первого издания говорилось о «матриархате» и о переходе от него к патриархату (см. первое издание, стр. 170, 172, 173, 175, 176), во втором издании этот термин последовательно заменен выражениями: «переход от материнско-родовых отношений к патриархату» (стр. 181), «изменение счета родства и наследования» (стр. 182), «пришедший на смену материнско-родовой организации патриархат» (стр. 185) и пр. Но и во втором издании осталось выражение: «заменить присущие материнскому роду матриархальные начала начальными патриархата» (стр. 180). Особый раздел посвящен «позднему матриархату» (стр. 187—190).

Эту неуверенность и нерешительность в использовании термином «матриархат» опять-таки не следует вменять в вину авторам рецензируемой книги. Здесь вновь отразилось состояние нашей науки: несмотря на целый ряд проведенных дискуссий, несмотря на ряд опубликованных полемических статей и целых исследований, вопрос о законности понятия «матриархат» и о точном содержании этого понятия приходится считать нерешенным.

Да и другие, сделанные выше критические замечания по книге никак нельзя рассматривать как укор ее авторам. Они почти целиком относятся к теперешнему состоянию науки о первобытном обществе, к недоработанным участкам в этой науке. Но подобно тому как достижения советской науки о первобытности намного перевешивают ее недостатки, так и достоинства рецензируемой книги гораздо значительнее и важнее, чем ее недочеты.

С. А. Токарев